

УДК 94(470)''17/18''

Хроленок Е.В., кандидат исторических наук, соискатель (докторант) Белорусского государственного университета (Беларусь)

СТАРОДУБСКИЕ КАЗАКИ В ИРРЕГУЛЯРНЫХ ЧАСТЯХ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XVIII – XIX В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

В статье на основе широкого круга архивных источников подробно рассмотрена, через самоидентификацию представителей сословия, история участия стародубских казаков в иррегулярных частях российской армии в конце XVIII – XIX в. Исследование проведено с использованием методологических практик новой локальной истории. Автор характеризует исследуемый период в истории Стародубского края как постпограничный. Но приходит к выводу о необходимости рассмотрения истории региона в конце XVIII – XIX в. с учетом существования не только административной, но и фантомной границы между Стародубщиной и землями бывшей Речи Посполитой. Именно наличие подобной границы во многом и определяло поведение представителей казачьего сословия. Несмотря на ликвидацию Стародубского полка – военно-административной единицы Малороссийского генерал-губернаторства в конце XVIII в., казаки еще в 1860-е гг. продолжали отождествлять себя с военным сословием и готовы были встать на охрану границы по примеру своих предков. В то же время подчеркивается, что отсутствие собственного войска послужило одной из главных причин активного переселения стародубских казаков на Кавказ и в Причерноморье. При этом российское правительство было в полной мере осведомлено о подобной местной специфике и принимало меры к ее направлению на благо государства в сложные для него периоды.

Ключевые слова: Стародуб, казаки, малороссийские полки, пограничный регион, локальная история, войны XIX века, переселение на Кавказ, исторические трансформации.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-03-100-109

Введение. В современной историографии все чаще объектом исследований становятся пограничные регионы. Возможность работать с архивами различных государств вывела данные работы на новый уровень. Одним из таких пограничных пространств является территория Стародубщины – исторического региона с центром в г. Стародуб большей частью сегодня входящая в состав Брянской области Российской Федерации. Стародубщина приобрела статус пограничного региона еще в 1503 г., когда была включена в состав Российского государства, и сохраняла его до конца XVIII в.

Неотъемлемым элементом пограничья является проживание на его территории военного населения. Не стала исключением и Стародубщина. Ко второй половине XVIII в. казаки здесь являлись наиболее активным и влиятельным сословием. При этом с потерей статуса порубежного региона у российского правительства появилась необходимость и в реформировании военной службы стародубских казаков.

История малороссийских войск конца XVIII – XIX в. начала привлекать внимание ученых еще в дореволюционный период, а после распада СССР данная тема вновь

приобрела популярность. Так, существуют труды российских и украинских историков посвященные как в целом малороссийскому так и непосредственно стародубскому казачеству. Однако на сегодняшний день отсутствует комплексное исследование описывающее историю стародубских казаков после упразднения полкового деления и обобщающее опыт использования данного сословия российским правительством в военных конфликтах XIX в. При этом необходимость подобного исследования продиктована в первую очередь возвращением в конце XX в. Стародубщины к статусу пограничного региона. Попыткой восполнить этот пробел является и настоящая работа.

Таким образом, цель настоящего исследования – установить особенности несения военной службы стародубскими казаками в составе иррегулярных частей российской армии сформированных по сословному признаку в конце XVIII – XIX в., через раскрытие проблем самоидентификации казачества пограничного региона находящегося в процессе глубокой трансформации.

Объект и методы исследования. Объектом представляемого исследования является

сама территория исторической Стародубщины, состоящая из четырех северных уездов Черниговской губернии: Новозыбковского, Суражского, Мглинского и Стародубского. При этом в рассматриваемый период регион уже утратил статус порубежья, начался этап в его истории, который можно охарактеризовать как постпограничный. При этом говорить об утрате краем в полном объеме своей пограничной специфики преждевременно. Между Стародубщиной и новоприсоединенными землями бывшей Речи Посполитой проходила не только административная, но и так называемая фантомная граница, разделявшая разное в ментальном аспекте население. Таким образом, для понимания происходивших в регионе процессов необходимо применить социально-психологический подход, учитывающий самоидентификацию жителей края, осознание ими государственной принадлежности, отождествление «своей – чужой» земли.

Установление в качестве объекта исследования территории Стародубщины подразумевает и определение ее места в системе государства. Такие взаимоотношения между локальным пространством и центром притяжения наиболее органично рассматриваются путем встраивания их в систему «центр-периферийных» отношений. Данная практика является актуальной и для современных локальных исследований. При этом Стародуб хоть и являлся периферией по отношению к столице, но в то же время и сам оставался центром локального пространства. Несмотря на то, что региональные исследования обозначают в качестве своего объекта определенную территорию, социум которой обладает только ему присущими специфическими чертами, ее история не может противопоставляться национальной, а должна развиваться и дополнять ее.

Результаты и их обсуждение. Пограничный статус Стародубщины в XVI–XVIII вв. позволил оформиться, а в дальнейшем и закрепиться в регионе казачьему сословию. Казаки в своей эволюции проделали путь от небольшой группы служилых людей до титульного сословия края. Наибольшего влияния казачество Стародубщины достигло к середине XVII в. когда жители поддержали национально-освободительное восстание под руководством Богдана Хмельницкого.

Образовавшееся сословие поглотило массу крестьян, мещан и даже шляхты. В регионе был образован Стародубский полк, ставший военно-административной единицей Войска Запорожского, а затем с 1764 г. Малороссийского генерал-губернаторства. Однако с расширением Российской империи Стародубщина утратила положение пограничного региона, что ставило под вопрос целесообразность сохранения казачьего войска в крае. С 1780-х гг. российское правительство начало реформы, направленные на приведение населения региона к общероссийским нормам. Данные реформы, проведенные в конце XVIII – XIX в. направленные на преобразование военного сословия столкнулись с инерцией в среде казачества. Однако подобная консервативная позиция не всегда носила отрицательный характер. Российское правительство смогло использовать стремление казачества нести военную службу в интересах государства.

Так, с 1782 г. в Малороссийском генерал-губернаторстве было отменено полковое деление, вводился институт наместничества. Стародуб стал центром одноименного уезда в составе Новгород-Северского наместничества (с 1796 г. Малороссийской, а с 1802 г. Черниговской губернии). Затем последовала и военная реформа. В 1783 г. Стародубский полк укомплектованный выборными казаками был распущен. Вместо него был учрежден Стародубовский конный полк (с 1784 г. карабинерный). За исключением принятых в него карабинеров, стародубские казаки были оформлены в «невоенное казачье сословие». Как видим, ликвидация территориального войска ставила их в положение казенных крестьян.

Зачисленные же в Стародубовский карабинерный полк казаки, проявили себя в военных кампаниях конца XVIII в. Так, за проявленную храбрость в боях во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. многие казаки удостоились наград. Во время Войны второй коалиции 1798–1802 гг. Стародубовский полк участвовал в Швейцарском походе, где отличился в «деле» под Диссенгофеном [13, с. 8, 10, 19].

Однако Стародубовский полк являлся частью регулярной армии, и после 1784 г. уже никогда не комплектовался по сословно-территориальному принципу. В результате ротации личного состава большинство из

стародубских карабинеров закончили службу в других воинских частях.

Однако Стародубовский полк являлся не единственным, куда были призваны стародубские казаки во время русско-турецкой война 1787–1791 гг. Так, они были набраны в состав Малороссийского конного казачьего полка. Тот по завершении боевых действий был переименован в 3-й Чугуевский и в 1796 г. распущен. Кроме того, стародубские казаки еще в 1786 г. поступили в Малороссийский гренадерский полк. Кроме того, в 1790 г. был создан, как временная воинская часть Малороссийский корпус пеших стрелков, укомплектованный, в том числе и стародубскими казаками-подпомощниками [18].

Несмотря на активное участие стародубцев в кампаниях конца XVIII в., на восстановление территориального войска российское правительство не пошло, а наоборот распространило на казаков Малороссийского генерал-губернаторства в 1797 г. рекрутскую повинность. В то же время на протяжении XIX в. правительство неоднократно прибегало к помощи стародубских казаков в чрезвычайных обстоятельствах, как для охраны территории самого региона, так и для укомплектования новых формируемых казачьих войск на Кавказе и в Причерноморье.

Первая попытка использовать ветеранов кампаний 1780–1790 гг. была предпринята уже в 1807 г. Тогда в ожидании войны с Францией началось формирование Земского войска. Проходившие службу в воинских частях казаки и крестьяне зачислялись в ландмилицию. Всего таких ветеранов в Стародубском повете оказалось 214 человек, а в Суражском 95, которые были распределены по четырем уездным отделениям [18, л. 37–54; 19, л. 47–66]. Кроме того, из местного населения всех сословий был произведен набор в ратники ополчения. Так, например, в Земское войско поступило 18 казаков из Суражского повета и 109 из Стародубского. Ратники избирались обществами по правилам очередного рекрутского набора. При этом не подлежали призыву казаки-почтальоны определенные «для возки письменной почты», которые были освобождены от повинностей еще по указу 1765 г. [3, л. 137–155].

Само же Земское войско имело крайне упрощенную структуру и состояло из тысяч,

пятисотен и сотен. Для руководства ополчением в апреле 1807 г. были составлены списки дворян в возрасте от 20 до 50 лет годных к несению воинской службы. Так, по Стародубскому повету в список было включено 80 человек, а по Мглинскому 70 [8, л. 46–69]. Кроме того из числа местных дворян пятисотенным был назначен штаб-ротмистр Федор Немирович-Данченко, а стародубскими сотниками: 1-ой сотни подпоручик Яков Плешко, 3-ей – Иван Силевич [7, л. 16]. Одна из Стародубских сотен в марте 1807 г. была направлена в поветовый город для обучения стрельбе [20, л. 19–22]. В дальнейшем часть этих ополченцев была включена в состав стрелкового батальона, который в апреле 1807 г. получил приказ выступить в Вильно [9, л. 5–41]. Остальные ратники в сентябре 1807 г. в связи с заключением Тильзитского мира были распущены по домам.

В то же время население Черниговской губернии, в том числе и Стародубщины, столкнулось с проблемой малоземелья. В целом она была характерна для всех регионов Малороссийского генерал-губернаторства, но в отношении северных уездов являлась наиболее актуальной. Так как территория Стародубщины ввиду географических особенностей не располагала таким количеством пахотных земель, как южные регионы Левобережья, а рост населения к началу XIX в. вывел эту проблему на первый план.

Российское правительство пытаясь решить одновременно и проблему малоземелья и организацию военной службы казаков предоставило им право переселиться на земли Черноморского войска. Такое решение нашло понимание у жителей Стародубщины и многие казаки воспользовались предоставленной им возможностью. Полагаем, что при этом вопрос о земле не всегда являлся главенствующим. Показательным выглядит пример переселившегося вместе с семьей в 1809 г. на Кубань казака с. Душкино Стародубского повета – Андрея Монаки [1, л. 23]. Тот еще в 1783 г. назывался куренным атаманом в своем селе, а, следовательно, вероятнее всего являлся зажиточным казаком [23, л. 11об.]. Значит, первопричиной его переселения являлась все же не нехватки земли, а стремление нести военную службу по примеру своих предков.

Вторжение армии императора французов Наполеона Бонапарта в Россию началось 11 июня 1812 г., а высочайший рескрипт об организации Малороссийских казачьих полков был издан уже 25 июня 1812 г. Правительство предлагало казакам образовать свои полки, которые по окончанию войны хоть и будут распущены, но «навсегда останутся принадлежащими к украинскому войску» [16, с. 47]. Идея формирования собственного войска нашла отклик у стародубцев. Они полагали, что теперь также как и их предки будут являться на службу по призыву государства, а после окончания боевых действий расходиться по домам. Таким образом, можно утверждать, что стародубские казаки в это время продолжали отождествлять себя с военным сословием и были готовы к несению службы. В результате такого народного подъема уже к 31 июля был сформирован 6-ой Черниговский казачий конный полк. В него поступило из Стародубского повета 262 города Стародуба и Мглинского повета 374 казака. Среди них были и 24 дворянина из числа положенных в оклад, которых произвели в унтер-офицеры. Вахмистрами были назначены 6 казаков – ветеранов военных кампаний конца XVIII в. В сентябре 1812 г. полк поступил под командование ротмистра Барсукова [15, л. 548–563]. Малороссийские полки организовывались, как легкая кавалерия и имели наибольшее сходство с уланскими. На вооружении каждого казака были сабля, уланская пика и два пистолета [12, с. 3].

Наличие в числе вахмистров 6-го Черниговского полка отставных стародубских казаков, вновь говорит о стремлении их к несению воинской службы. Так, один из них – житель с. Горчаки Стародубского повета Михаил Леоненко поступил на службу еще в 1789 г., а был отставлен из Лейб-кирасирского полка в 1805 г. Уже в 1807 г. его зачислили в ландмилицию Земского войска [18, л. 38об.]. В составе же 6-го Черниговского полка Михаил Леоненко пробудет вплоть до его расформирования в 1816 г. [15, л. 549об.].

Еще 29 июля 1812 г. французские войска заняли Чечерск, а 30 июля Речицу. Таким образом, Стародубщина вновь оказалась пограничьем. Чтобы не допустить вторжения неприятеля на территорию Малороссийского генерал-губернаторства, еще не до конца

сформированные казачьи полки выступили на административную границу Черниговской губернии, где смогли остановить наступление противника. 14 сентября 300 казаков 6-го Черниговского полка вступили в бой с переправившимися через р. Днепр союзными Наполеону польско-немецкими войсками и отбросили их за пределы Черниговской губернии. 12 октября французы вновь заняли Чечерск и продолжили наступление на Стародубщину, однако были остановлены казаками. Одновременно с этим польские союзники форсировали р. Сож, но были разбиты в столкновениях с 6-м Черниговским казачьим полком. 2 ноября полк в составе корпуса генерал-лейтенанта Н.В. Гудовича выступил на Могилев для освобождения города. Во время наступления казаки неоднократно вступали в бои с противником, чем внесли свой вклад в освобождение территории современной Беларуси от неприятеля. Однако Могилев был занят русскими войсками еще до подхода черниговцев [14, с. 130–135].

С ноября по февраль 1813 г. полк был расквартирован на Правобережной Украине, а затем получил приказ следовать на территорию Герцогства Варшавского. В 1812 г. погиб или пропал без вести 31 стародубский казак 6-го Черниговского полка, еще 29 умерли от ран или болезней, что составляло более 20% от общего числа казаков призванных из Стародубского повета [15, л. 548–563].

Как видим, стародубцы в этот раз, как и их предки, несли службу, связанную с охраной границы, что вероятно только подкрепляло в их уверенности о принадлежности к военному сословию и идентификации «своей – чужой» земли. Фантомная граница на короткий период оказалась вновь полноценной.

Во время Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. 6-ой Черниговский конный казачий полк находился на территории Герцогства Варшавского, где принимал участие в осаде крепостей Замостье (в составе корпуса генерал-лейтенанта С. Ратта) и Модлин (в корпусе генерал-лейтенанта А. Клейн-михеля). Кроме того в этот период, стародубцы несли караульную службу, конвоировали пленных, выполняли курьерские обязанности [14, с. 139–140]. В Заграничном походе 1813–1814 гг. умерли или погибли еще 4 стародубских казака, и столько же находилось в

лазаретах к осени 1814 г. [15, л. 548–563].

30 сентября 1814 г. Малороссийские полки получили приказ возвращаться в места формирования. Казаки хоть и были распущены по домам, но оставались в положении запасных. В 1816 г. полки были окончательно расформированы.

Казаки для участия в этом военном конфликте выставили одного человека с 25 ревизских душ. Казачьи общества самостоятельно оплачивали его обмундирование, восполняли убыль в людях и лошадях, снабжали провиантом на протяжении 4-х лет, что нанесло им значительный экономический урон. После роспуска полков и до 1819 г. правительство еще подтверждало свое намерение о восстановлении малороссийского войска, но затем от этой идеи окончательно отказалось. Казаки получили лишь краткосрочное освобождение от уплаты налогов и несения рекрутской повинности [16, с. 52].

Затраты понесенные за время существования малороссийских полков казаки пытались компенсировать различными (не всегда этичными) способами. Интересным здесь представляется пример казака с. Запольские Халеевичи Стародубского повета Ивана Игнатова Беляева поступившего в 6-ой Черниговский полк. Согласно послужному списку, составленному в августе 1814 г. он числился среди пропавших без вести еще «за командованием ротмистра Барсукова» – т.е. с 1812 г. [15, л. 560]. В это же время в с. Запольских Халеевичих скончался бездетный брат Беляева, что в совокупности дало повод его родственникам занять принадлежавший братьям земельный надел. Однако, не позднее 1816 г. Иван Игнатов Беляев возвратился в родное село, где нашел свой двор занятым. Отказываясь возвратить ему имущество, родственники ссылались, в том числе на то, что со своего надела несли обязанности по содержанию полков за себя и за его покойного брата. Не найдя возможности возвратить имущество Иван Беляев «пустился в пьянство», а затем в 1820 г. уступил право требования своего земельного надела стародубскому мещанину Михаилу Лобачевскому в обмен на содержание своего сына. Тот же в свою очередь обратился в поветовый суд и смог не только возвратить имение, но и получить компенсацию за все время неправомерного его удержания [2].

Подобные случаи показывают сложную экономическую ситуацию, сложившуюся на Стародубщине к 20-м гг. XIX в. С целью ее урегулирования накопившихся в регионе проблем российское правительство вновь прибегло к хорошо зарекомендовавшему себя способу, предоставив в 1820 г. казакам право переселения на земли Причерноморья. Полагая, что и в этот раз решение правительства встретило одобрение у жителей Стародубщины. Уже в 1822 г. только из Суражского уезда выбыло на переселение не менее 77 казачьих семей [5]. Такие высокие темпы миграции позволили выполнить план по заселению новообразованного казачьего войска уже к 1825 г., что не только «разряжало» ситуацию на Стародубщине, но и способствовало укреплению Черноморского войска.

Однако, в ноябре 1830 г. в Варшаве началось восстание, целью которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. К весне 1831 г. оно охватило всю территорию Царства Польского и перекинулось на белорусские и украинские губернии. Неудачи регулярной армии заставили императора Николая I вспомнить положительный опыт использования черниговских и полтавских казаков в 1812–1814 гг. На его запрос о возможности формирования новых полков малороссийский генерал-губернатор Н.Г. Репнин докладывал, что казаки готовы встать на защиту Отечества. 6 мая 1831 г. последовал рескрипт о создании восьми полков легкой кавалерии из казаков. Еще в своем сообщении императору Н.Г. Репнин писал, что «народ сей, сохранивши доселе воинственный дух предков своих, сохранил и древнюю ненависть к ляхам, под игом коих стонал край сей более трех веков» [16, с. 58–59]. Это и стало главным доводом при призыве казаков на службу. Желание многих из них добровольно поступить в создаваемые полки можно объяснить как раз вопросами их самоидентификации. Община также, отдавая своих членов в формируемые полки, характеризовала это как выполнение древней «казацкой повинности». Всего же в 8-ой Малороссийский казачий полк поступило 94 казака из Стародубского уезда в возрасте от 20 до 39 лет [17, л. 27–41].

Казачьи полки организовывались по примеру уланских. При этом на дворянство

была возложена обязанность обеспечения казаков лошадьми и фуражем, а община должна была предоставить обмундирование и провиант. Из казны предоставлялось лишь вооружение – сабли, пики и пистолеты.

14 августа полки выступили в поход и в начале сентября прибыли в Минск, где должны были войти в состав Резервной армии графа П. Толстого. Однако к моменту их прибытия эта армия уже была расформирована, и казаки поступили в распоряжение генерал-лейтенанта Савина командовавшего 4-м корпусом 1-ой армии. К тому времени восстание уже фактически было подавлено. В задачи казаков входила обязанность по борьбе с отдельными отрядами повстанцев, действия которых уже носили партизанский характер, конвоирование пленных, выполнение полицейских функций [14, с. 144, 147].

В октябре 1831 г. был издан манифест об окончании польской кампании, а в ноябре 8-ой Малороссийский казачий полк получил приказ возвращаться в места формирования. По прибытии на родину стародубцы были распущены по домам, но в 1832 г. собраны вновь. Полк был расформирован, а его казаки были раскассированы между различными кавалерийскими частями и продолжили службу на общих основаниях.

За участие в подавлении Польского восстания в 1831 г. стародубцы вновь получили льготы от правительства. Им был уменьшен срок военной службы до 15 лет, причем теперь казаков отправляли только в кавалерийские части. Также был уменьшен размер подушной подати до двух рублей, включая 55 коп. за продажу вина. Помимо того в разное время им предоставлялись и другие налоговые послабления [16, с. 72–73]. Однако маловероятно, что это оправдало надежды населения. Восстановления собственного войска, как того желал и Н.Г. Репин, не случилось. В то же время казакам из отставных солдат было предоставлено право переселения в Кавказскую область, чем и воспользовались некоторые стародубцы в начале 40-х гг. XIX в. [6, л. 129об., 420об., 544об.].

Стимулируя переселение на земли Линейного войска отставных солдат из казаков, российское правительство вновь решало несколько задач одновременно: удаление беспокойных элементов с территории Малороссии

и усиление казачьего войска в борьбе с горцами. В то же время факты такого переселения позволяют увидеть ошибочность тезиса встречающегося в историографии о том, что на Кавказ переселялись не казаки, а только фактически казенные крестьяне, не имеющие представления о воинской службе.

Здесь мы можем вновь обратиться к фактам из биографии жителей региона. Так, казак с. Запольские Халеевичи Стародубского повета Конон Пика в 1812–1814 гг. проходил действительную службу в 6-ом Черниговском казачьем полку [15, л. 557об.]. В 1831 г. при формировании новых полков он вновь вступает в армию в состав 8-го Малороссийского полка [17, л. 35]. В дальнейшем сведений о нем и членах его семьи обнаружить не удалось. Можно предположить, что это объясняется тем, что Конон Пика и был среди тех отставных солдат, кто воспользовался правом переселения на земли Кавказского казачьего линейного войска.

В дальнейшем жизненный уклад стародубских казаков претерпел значительные изменения. Так, в 1835 г. была принята окончательная редакция устава об управлении малороссийскими казаками, которая фактически поставила их в один ряд с казенными крестьянами. Как следствие этого в конце 1840-х гг. началась новая кампания по переселению жителей Малороссии на земли Линейного войска. Так, в 1847 г. только из Поповогорской волости Суражского уезда выехало 75 семей, а в 1848 г. не менее 31 семейства казаков Стародубского уезда покинуло родные края [10, л. 36–56; 6].

Однако вскоре тяжелое положение во время Крымской войны 1853–1856 гг. вновь послужило поводом для очередного формирования казачьих полков в регионе. 7 мая 1855 г. по указу императора Александра II малороссийские казаки были призваны в Государственное подвижное ополчение на временную службу. В Черниговской губернии организовывались два Малороссийских конно-казачьих полка – 5-й и 6-й. Каждый из них состоял из 7-ми сотен – 6 действительных и 7-я резервная. В этот раз обязанность по покупке снаряжения частично легла на казачьи общества, а часть обеспечивалась земским сбором. В качестве вооружения из арсеналов казакам выдавался пистолет, сабля и пика [14, с. 161].

Стародубские казаки вошли в состав 6-й сотни 6-го Малороссийского конно-казацкого полка [22, л. 63–70]. Несмотря на то, что его формирование было незакончено казаки 1 декабря 1855 г. выступили в Финляндию и прибыли в Гельсингфорс 14 марта 1856 г. Однако уже 18 марта был подписан Парижский мирный договор. На следующий день император Александр II лично провел смотр черниговских конно-казацких полков, после чего они получили приказ возвращаться в места формирования. Стародубцам хоть и не довелось принять участие в боевых действиях, но во время финского похода полки потеряли до 10% своей численности в результате болезней и несчастных случаев [14, с. 163–165].

17 февраля 1856 г. была упразднена должность малороссийского генерал-губернатора. Начавшиеся реформы императора Александра II в конечном счете привели к размыванию казачьего сословия на Стародубщине. Казалось, что уже ничто не связывало жителей края с прежним воинственным населением пограничного региона. Однако в январе 1863 г. на территории бывшей Речи Посполитой вновь началось восстание. В отличие от событий тридцатилетней давности повстанцы избрали иную тактику. Понимая бесперспективность прямых столкновений с регулярной русской армией, они вели партизанские действия. Российское правительство, опасаясь распространения волнений на территорию Черниговской губернии, в апреле 1863 г. приняло решение о необходимости формирования на ее границе вооруженных караулов из местных крестьян. А уже в мае с целью их усиления начинается процесс формирования казацких полков: двух в Полтавской и одного в Черниговской губернии.

Задачи по их комплектованию были возложены на Министерство государственных имуществ, которое обязывалось обеспечить их всем необходимым. На вооружение казаки получили сабли, пики и винтовки. Отдельной формы для них введено не было, но чтобы обозначить отличие от сельской стражи, казаки Черниговского полка получили погоны с номером полка, черные смушковые шапки со светло-зеленым шлыком и такого же цвета пояс [14, с. 176].

В этот раз при комплектовании полков правительство делало ставку на добровольцев.

Несмотря на то, что с момента упразднения Войска Запорожского прошло уже 100 лет, казаки охотно становились под знамена казацких полков. Они вновь ассоциировали себя с защитниками Отечества, а польских повстанцев воспринимали, как своих традиционных врагов. Таким образом, можно говорить о том, что определенные черты в самоидентификации населения, как пограничного региона продолжали существовать в сознании стародубских казаков еще в 1863 г.

Удивительной выглядит мысль М.А. Максимовича высказанная им Н.И. Гилярову-Платонову о том, что последнее ополчение «просто из крестьян брали» [11, с. 46]. Возможно, это и было характерно для полтавских полков, но говоря о территории Стародубщины, то в ополчение по этому региону поступили исключительно представители древних казацких родов. При этом, конечно, продолжал существовать институт наемничества, когда за одних казаков выступали в поход другие [21]. Однако эта традиция была известна на Стародубщине еще с XVII в. и не изменяла казачий характер повинности. Также отмечены случаи поступления на службу казаков уже имевших военную подготовку. Так, в полк был зачислен житель д. Долматово Сидор Степанов Клищенко ранее уже проходивший службу в 6-м Малороссийском конно-казацком полку времен Крымской войны 1853–1856 гг. [22, л. 63об.].

В 1863 г. полки имели традиционное деление на сотни в соответствии с территориальным принципом. Так в 4-ю Стародубскую сотню 1-го Черниговского конно-казацкого полка были зачислены 150 казаков: 10 из Суражского, 20 из Новозыбковского, 58 из Мглинского и 62 из Стародубского уездов. Из их числа были определены 8 урядников [21].

Первоначально предполагалось использовать их только на территории своих губерний в качестве пограничной стражи. Однако уже к осени стало понятно, то восстание не затронет левобережные губернии и 8 октября 1863 г. Черниговский полк выступил в поход в Киев. По прибытии на место казаки, вероятно, выполняли в городе и на прилегающих территориях преимущественно полицейские обязанности. А 13 апреля 1864 г. полк был командирован в местечко Тально Уманьского повета, где пробыл до 30 июля

того же года [14, с. 178]. Неизвестными остаются подробности службы стародубцев в этом походе. Установленным является факт, что потерь они не понесли за исключением одного утонувшего в Тально казака [21, л. 15об.]. Однако факт последующего награждения их за участие в непосредственных столкновениях с неприятелем, говорит о том, что в Уманском повете стародубцам приходилось вступать в бои с противником. Летом 1864 г. восстание было окончательно подавлено и казаки получили приказ возвращаться в места формирования, куда и прибыли в августе 1864 г.

В начале сентября 1864 г. стародубцы были распущены по домам. Службу им считали за рекрутскую повинность и освободили от уплаты налогов. Кроме того трое полчан были командированы в Черниговский повет, где вероятно поступили в регулярную армию. В конце 1864 г. император Александр II утвердил медаль «За усмирение польского мятежа», разными исполнениями которой в зависимости от вклада в победу награждались участники польской кампании 1863–1864 гг. Из малороссийского ополчения только казаки Черниговского полка, как принимавшие участие непосредственно в боевых действиях, были отмечены медалями из светлой бронзы. В 1867 г. награды поступили

в губернский город, а оттуда в количестве 146 штук в Стародубское полицейское уездное управление, которое и вручило их в 1868 г. казакам [4, л. 6–7об., 18].

Заключение (выводы). Проведенное исследование позволяет иначе взглянуть на историю стародубского казачества в конце XVIII – XIX в. Вклад автора заключается не только в том, что впервые была восстановлена в деталях военная служба стародубских казаков в иррегулярных воинских частях на протяжении XIX в., но и на конкретных примерах охарактеризовано их психологическое отношение к происходившим в государстве событиям через оценку их действий. Установлено что, несмотря на утрату регионом пограничного положения, Стародубщину на протяжении всего исследуемого периода отделяла от новоприсоединенных земель бывшей Речи Посполитой не только административная, но и фантомная граница, разделявшая население Российской империи. Вводя понятие «постпограничный период» в истории Стародубщины, автор приходит к выводу о его неразрывной связи с предшествовавшими ему событиями. Таким образом, для исследования истории стародубского казачества XIX в. представляется необходимым использование методологических практик характерных для изучения истории пограничных регионов.

Список литературы

1. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 41.
2. ГАБО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 259.
3. Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАЧО. Ф. 127. Оп. 22. Д. 768.
5. ГАЧО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 843.
6. ГАЧО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 991.
7. ГАЧО. Ф. 132. Оп. 2. Д. 354.
8. ГАЧО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 150.
9. ГАЧО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 161.
10. ГАЧО. Ф. 679. Оп. 2. Д. 4805.
11. Гиляров-Платонов Н.П. Мысли М.А. Максимовича о Н.Г. Репнине и об ополчении 1835 г. // Киевская старина. 1898. Т. LXI. С. 45–46.
12. Калинин С.Е. Малороссийские казачьи полки в 1812–1814 гг. М., 2011. 11 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin_08.pdf/ (дата обращения: 21.06.2024).
13. Мартынов А.Г. История 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб.: Бережливость, 1908. X, 244, 75 с.
14. Оліяничук А.М. Козацтво Лівобережжя України: соціальний статус і військові повинності (початок – 60-ті рр. XIX ст.): дис. ... канд. іст. наук. Київ, КНУ.2016. 247 л.
15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 395. Оп. 311. Д. 28.

16. Стороженко Н.В. Очерк из истории малороссийских козаков в конце XVII и в начале XIX века. Киев: Ун-т Св. Владимира, 1898. 104 с.
17. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев (ЦГИАК). ОАФ. 1284. Оп. 1. Д. 255.
18. ЦГИАК. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 27.
19. ЦГИАК. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 34.
20. ЦГИАК. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 6.
21. ЦГИАК. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 189.
22. ЦГИАК. Ф. 1379. Оп. 1. Д. 358.
23. ЦГИАК. Ф. 206. Оп. 1. Д. 867.

STARODUB COSSACKS IN IRREGULAR UNITS OF THE RUSSIAN ARMY AT THE END OF THE 18th – 19th CENTURIES. TRANSFORMATION OF THE BORDER REGION

The article, based on a wide range of archival sources, examines in detail the history of the participation of Starodub Cossacks in irregular units of the Russian army at the end of the 18th – 19th centuries. through self-identification of representatives of the class. The research was carried out using methodological practices of new local history. As a result, the author characterizes the period under study in the history of the Starodub region as post-border. But he comes to the conclusion that it is necessary to consider the history of the region at the end of the 18th – 19th centuries. taking into account the existence of not only an administrative, but also a phantom border between Starodub region and the lands of the former Polish-Lithuanian Commonwealth. It was the presence of such a border that largely determined the behavior of representatives of the Cossack class. Despite the liquidation of the Starodub regiment – the military-administrative unit of the Malorussian Government General at the end of the 18th century, the Cossacks back in the 1860s. continued to identify themselves with the military class and were ready to guard the border following the example of their ancestors. At the same time, it is emphasized that the lack of their own army was one of the main reasons for the active resettlement of the Starodub Cossacks to the Caucasus and the Black Sea region. At the same time, the Russian government was fully aware of such local specifics and took measures to channel them for the benefit of the state in difficult periods for it.

Keywords: Starodub, Cossacks, Malorussian regiments, border region, local history, wars of the 19th century, resettlement to the Caucasus, historical transformations.

References

1. Gosudarstvennyj arkhiv Bryanskoy oblasti [State Archives of the Bryansk Region] (GABO). F. 134. Op. 1. D. 41.
2. GABO. F. 254. Op. 1. D. 259.
3. Gosudarstvennyj arkhiv Chernigovskoy oblasti [State Archive of Chernihov Region] (GACO). Ф. 127. Оп. 1. Д. 5.
4. GACO. F. 127. Op. 22. D. 768.
5. GACO. F. 132. Op. 1. D. 843.
6. GACO. F. 132. Op. 1. D. 991.
7. GACO. F. 132. Op. 2. D. 354.
8. GACO. F. 133. Op. 1. D. 150.
9. GACO. F. 133. Op. 1. D. 161.
10. GACO. F. 679. Op. 2. D. 4805.
11. Gilyarov-Platonov N.P. (1898) Mysli M.A. Maksimovicha o N.G. Repnine i ob opolchenii 1835 g. [Thoughts M.A. Maksimovich about N.G. Repnin and about the militia of 1835]. Kiyevskaya starina [Kyiv antiquity], LXI, 45–46.
12. Kalinin S.Ye. (2011) Malorossiyskiye kazach'i polki v 1812–1814 [Malorussian Cossack regiments in 1812–1814]. Moskva. Retrieved 21 June 2024 from <https://www.reenactor.ru>. 11 s.
13. Martynov A.G. (1908) Istoriya 12-go dragunskogo Starodubovskogo polka [History of the 12th Dragoon Starodubovsky Regiment]. Saint Petersburg: Berezhlyvost'. X, 244, 75 s.
14. Olyanchuk A.M. (2016) Cossacks of the Left Bank of Ukraine: social status and military duties (beginning – 60s of the 19th century): dis. ...cand. ist. nayk. Kyiv, KNY. 247 s.
15. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. F. 395. Op. 311. D. 28.
16. Storozhenko N.V. (1898) Ocherk iz istorii malorossiyskikh kozakov v kontse XVII i v

nachale XIX veka [Essay on the history of Little Russian Cossacks at the end of the 17th and beginning of the 19th centuries]. Kiyev: Universitet Sv. Vladimira. 104 s.

17. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev [Central State Historical Archive of Ukraine in Kyiv] (TGIAK). OAF. 1284. Op. 1. D. 255.

18. TGIAK. F. 1333. Op. 1. D. 27.

19. TGIAK. F. 1333. Op. 1. D. 34.

20. TGIAK. F. 1333. Op. 1. D. 6.

21. TGIAK. F. 1346. Op. 1. D. 189.

22. TGIAK. F. 1379. Op. 1. D. 358.

23. TGIAK. F. 206. Op. 1. D. 867.

Об авторе

Хроленок Евгений Валерьевич – кандидат исторических наук, соискатель (докторант) Белорусского государственного университета (Беларусь); E-mail: evgeny00@mail.ru

Khrolenok Evgeny Valer'evich - Candidate of Historical Sciences, candidate (doctoral student) of the Belarusian State University (Belarus); E-mail: evgeny00@mail.ru